Ю. Л. Епанчин

АПОЛОГЕТ ВОЙНЫ ИЛИ ДУХОВНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР?

Позиция Л.Н. Андреева в годы Первой мировой войны

Культурные процессы, происходившие в России во время Первой мировой войны, до настоящего времени еще не стали предметом самостоятельного рассмотрения историков. Не проанализировано также должным образом отношение к войне со стороны крупнейших деятелей русской культуры, чье мнение могло оказывать достаточно сильное влияние на представителей общественности. Еще предстоит понять, каким образом литературный процесс отражал реальное противоборство социальных и классовых сил, идеологических течений и, в свою очередь, формировал общественное мнение. При всем обилии и многообразии научных работ о «серебряном веке» вопросы, связанные с войной, затрагиваются в них мимоходом, как правило, не выделяются в самостоятельное исследовательское направление.

Между тем «беспримерная катастрофа» (И. А. Бунин) 1914 г. поставила многих перед необходимостью пересмотреть устоявшиеся воззрения и скорректировать личную позицию в изменившихся исторических условиях. В полной мере это относится к Л. Н. Андрееву, известному писателю, чье творчество пользовалось популярностью в широких кругах российской интеллигенции, особенно среди молодежи. Наряду с М. Горьким Леонид Андреев в течение всей войны занимал активную общественно-политическую позицию, выдерживал единую линию поведения. Но, если Горький являлся последовательным антимилитаристом[1], то Андреев также последовательно отстаивал необходимость доведения войны до победного конца. В определенной степени эти ключевые фигуры можно рассматривать как своеобразные центры притяжения литературно-общественных сил.

В советской исторической и литературоведческой науке вплоть до конца 80-х гг. специальных исследований жизни и творчества Андреева в период мировой войны не было. В обобщающих работах он обычно характеризовался как защитник самодержавия и предатель демократии[2]. В содержательной статье К. Д. Муратовой делалась попытка более подробного рассмотрения общественно-политических взглядов писателя, но и в ней делался вывод, что Андреев, «поддавшись шовинистическому угару, охватившему значительные круги русского общества, стал одним из бардов войны. Он считает необходимым прекратить на время во имя победы борьбу с царским правительством»[3]. Лишь в 1989 г. была опубликована работа Л. А. Иезуитовой, специально посвященная рассматриваемой тематике[4]. Автор сделала обзор основных публикаций Андреева в годы войны и пришла к выводу, что в основе андреевской публицистики лежала концепция революционного процесса, который, с точки зрения писателя открывается мировой войной и должен последовательно охватить все сферы жизни общества.

Последнее время ознаменовалось волной публикаций, вызванной интересом к творчеству Л. Н. Андреева заключительного этапа его жизни, ранее не привлекавшего должного внимания. Был издан его шеститомник, в который включены не только художественные произведения, но и избранная публицистика[5]. Отдельным изданием вышел сборник статей писателя, относящийся к периоду его работы в газете «Русская воля»[6]. Несколько книг подготовил энтузиаст исследования жизни и творчества Леонида Андреева, директор русского архива города Лидса Ричард Дэвис[7]. Все эти издания вводят в научный оборот ранее малодоступные материалы и позволяют проследить эволюцию взглядов писателя предреволюционной и революционной поры.

В канун Первой мировой войны Леонид Андреев был известен русскому читателю как автор парадоксальных повестей и рассказов, драматических произведений, по которым ставились непривычные на русской сцене спектакли. Его творчество эпатировало читательскую и зрительскую публику, привлекало необычной трактовкой человеческих характеров, считалось сугубо индивидуалистичным, проникнутым мистикой и метафизикой личности. Поэтому поворот писателя к общезначимым проблемам начавшейся войны, его стремление укрепить народный дух, сплотить массы людей в борьбе с Германией, порождало недоумение. Это его имел в виду А. М. Горький, когда писал в октябре 1914 г. В. С. Войтинскому: «Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники»[8].

---

[1] См.: *Епанчин Ю. Л.* М. Горький и журнал «Летопись» в годы Первой мировой войны // Освободительное движение в России. Саратов, 2001. Вып. 19.

[2] См.: *Цехновицер О. В.* Литература и мировая война. 1914–1918. М., 1938. С. 43, 112, 114, 232.

[3] *Муратова К. Д.* Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство М., 1965. Т. 72. С. 48.

[4] См.: *Иезуитова Л. А.* Л. Н. Андреев – публицист в канун революции // Русская литература. 1989. № 3. С. 199–208.

[5] См.: *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1993–1996.

[6] См.: *Андреев Л. Н.* Верните Россию! / Под ред. И. Г. Андреевой. М., 1994.

[7] См.: *Андреев Л.* Перед задачами времени. Политические статьи 1917–1919 годов / Сост. и подгот. текста Р. Дэвиса. Benson, 1985; *Андреев Л.* S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / Ред. и вступ. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб., 1994; *Davies R.* Album di famiglia. Rittratti inediti della Russia prerevoluzionaria. Milano, 1989.

[8] Литературное наследство. М., 1988. Т.95. С. 969.

Разбор причин изменения общественно-политической позиции Л. Андреева следует начать с анализа его мировоззрения. Взгляды художника на социальные отношения представляют собой сложное переплетение политических, этических и эстетических категорий. Причем (в силу специфики творческой деятельности) последние могут выходить у него на первое место. Именно эстетика, взгляд на жизнь как на высокую трагедию, не позволяла Андрееву примириться с пошлой буржуазной действительностью. Оставаясь беспартийным художником, он испытывал притяжение к революционерам, главным образом, к социал-демократам, хотя считал их взгляды чересчур приземленными и грубо рационалистичными[9]. В молодые годы в творчестве Л. Андреева преобладали демократические тенденции, сохраняя гуманистические традиции русской литературы, он проявлял преимущественное внимание к судьбам униженных и оскорбленных, негодовал против несправедливости и произвола[10]. В 1905 г. писатель укрывал у себя дома революционеров, за что подвергся полицейским преследованиям[11]. В годы столыпинской реакции он осудил правительственный террор в «Рассказе о семи повешенных», протестовал против удушения личности в духе «мистического анархизма» (драма «Савва»).

Говоря о творческом мировоззрении Л. Андреева, трудно пройти мимо одного обстоятельства, характеризующего специфическую болезненность его художнического восприятия мира. Сам писатель в дневнике признавался: «Любопытно, что почти все свои лучшие вещи я писал в пору наибольшей личной неурядицы, в периоды самых тяжелых душевных переживаний… Больной, ошалелый после пьянства, писал я «Семь повешенных». Вывод отсюда: моя мысль – враг моей работе. Надобно, чтобы я мыслил о чем-то другом, и тогда интуиция освобождается и смело творит свое, не опираясь на рацио и не преследуемая им. Надобно еще, чтобы я совсем не мыслил во время работы о себе как о писателе – и внутренне и внешне, и в смысле моих качеств и желаний, и в смысле успеха, внешних последствий. Как художника я определяю себя так: где-то посередине между гением и талантом; и талант губит мой гений, а гений не дает таланту выкристаллизоваться в свою тесную, но строгую форму. И когда я пишу не думая, оживает гений; когда же я думаю, получается средняя талантливость. И чем я осторожнее, трусливее, чем я «вдумчивее», тем хуже»[12].

Подобное состояние сознания в современной психологии называется психоделическим. Для него характерна высокая степень замкнутости в рамках собственных переживаний, фантазий. Часто для возбуждения фантазии психоделики используют дополнительные возбудители (алкоголь, наркотики). Не являлся исключением и Леонид Андреев. Он часто и в больших количествах употреблял алкоголь. В литературных кругах про него ходил анекдот, что он пьет водку «аршинами», то есть выстраивает ряд рюмок длиной в аршин и быстро опорожняет их одну за другой.

Психоделики большую часть сведений извлекают не из внешнего мира, а из виртуального пространства своего сознания, в соответствии со своей духовной драматургией. Эту черту отмечал в творчестве Л. Андреева Ю. И. Айхенвальд, утверждая, что «для того чтобы он услышал жизнь, она должна звонить ему во все колокола; для того чтобы он увидел жизнь, она должна ему показать свои кричащие краски – для звуков тихих, для оттенков нежных Леонид Андреев по большей части остается глух и слеп. Порог раздражения лежит у него очень высоко… Оттого на его страницах и рассеяно так много страхов и содроганий… Безумие будней, ужас обыденности не привлекают его к себе, не останавливают его внимания»[13].

Писателю было трудно вписаться в противостоящее ему потребительское отношение к искусству. В начале 1914 г. он возмущался, что ожиревшим буржуа «хочется баловаться искусством, оно для них даже не жена, от которой берешь и радость и горе, а проститутка, содержимая за большие деньги специально для утех… Вот зачем ему, подлецу наших дней и буржую, нужен театр. А за выражением его оскорбленного лица почтительно следует холоп наших дней – «журналист» и вопиет на утро: «Что они сделали с нашим уважаемым… Истинное искусство должно быть мягким, как перина, а нас всех, и меня, и его степенство, положили прямо на гвозди… Дайте нам Мольера, а если уж так хочется трагедии, подайте старую, хорошую, пастеризованную, выветренную временем трагедию – Шекспира, например. И трагично и не больно»[14].

Поэтому начало мировой войны он воспринял с внутренним облегчением, признаваясь, что «с момента объявления войны все исчезло: нет темного ужаса, нет тоски. Если бы меня спросили, что со мной, я бы сказал: это воскрешение из мертвых. Это не только мое личное воскрешение из

---

[9] См.: *Генералов Н. П.* Из истории одной полемики (А.В. Луначарский и Леонид Андреев) // Русская литература. 1982. № 3. С. 183–196.

[10] См.: *Иезуитова Л. А.* Творчество Леонида Андреева (1892–1906). Л., 1976.

[11] См.: *Пухов Ю. С.* Л. Андреев и Скиталец в революции 1905–1907 гг. // Революция 1905 года и русская литература. М., 1956.

[12] *Андреев Л. Н.* S.O.S. С. 22–24 (запись от 11 окт. 1915 г.).

[13] *Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей. М., 1998. Т. 2. С. 103.

[14] *Десницкий В. А.* Горький. Л., 1940. С. 144.

мертвых, это прежде всего воскрешение из мертвых России»[15]. Даже в феврале 1918 г., вспоминая свои прежние настроения, он не подвергал их осуждению: «И при всем том, что моя жизнь кажется мне уже погибшей и безнадежно конченой, я не хотел бы вернуться ко времени до катастрофы. И будь сейчас 1914 г. и завись от меня решение: быть или не быть войне со всем последующим, я с дрожью и сказал бы: да будет! Ибо я не был обманутым позолотою тех дней, и тупая духота старого докатастрофичного мира была не менее мучительна и убийственна, нежели острое безумие и отчаяние самой катастрофы. Дурак, мерзавец и мозгляк мучал меня и тогда, и та пышность, в которую он облачался, делала его более отвратительным, нежели теперешнее четвероногое со всей его откровенностью низкого лба и скотской натуры»[16].

Мысли о судьбе русского народа, о его грядущем пробуждении непрерывно мучили Леонида Андреева накануне мировой войны. А. М. Горький сохранил воспоминание о разговоре с другом-писателем в 1914 г., отметив, что Андреев очень болезненно воспринимал скептицизм в отношении способности великороссов справиться с предстоящими испытаниями. Горячо возражая Горькому, «вдруг он, понизив голос, прищурив глаза, заговорил о русском народе словами, необычными для него,– отрывисто, бессвязно и с великой, несомненно искренней убежденностью. Я не могу, – да если б и мог, не хотел бы воспроизвести его речь; сила его заключалась не в логике, не в красоте, а в чувстве мучительного сострадания к народу»[17].

Именно в это время, с марта 1914 г., Андреев начал работу над трагедией «Самсон в оковах». Под библейской аллегорией скрывались глубокие раздумья о будущем России. Недаром с XVIII века образ Самсона выступал в качестве общеупотребительного символа российского государства, громадного потенциала его народа[18]. Сценическая судьба «Самсона в оковах» сложилась неудачно. Закончив трагедию в январе 1915 г., Андреев предложил ее МХТу, полагая, что коллективы других театров не справятся со стоящими перед исполнителями творческими задачами. Но руководство МХТа после длительных переговоров отказалось от постановки ввиду чрезвычайной сложности литературного материала[19]. Образ Самсона использовал и Максим Горький. «Придавленный к земле тяжелым и грубым механизмом бездарно устроенной государственной машины, – писал он, – русский народ – скованный и ослепленный Самсон – воистину великий страдалец! И воистину с молчаливым терпением титана долго держал он на плечах своих страшную тяжесть рабского, каторжного труда, зверских преступлений со стороны власти, сладострастного издевательства над его личностью помещиков и полиции, держал безропотно и лишь порою, встряхнув плечами, рвался к свободе, но – слепой – не находил пути к ней, и снова и еще крепче связывали его»[20].

С первых дней войны Л. Андреев, несмотря на тяжелое физическое состояние, испытывал духовный подъем. Уже 26 августа 1914 г. он сделал запись под названием «Мое предсказание». Мировая война, по его убеждению, должна была привести к обновлению мира, покончить с деспотизмом империалистических государств, уничтожить милитаризм и завершиться образованием соединенных штатов Европы[21]. Свои выводы он развернул в качестве программы в письме И. С. Шмелеву от 24 сентября 1914 г.: «До времени оставив в стороне наши внутренние дела и борьбу с правительством – сейчас всеми силами содействовать осознанию происходящего и уяснить его истинный смысл. Для меня смысл настоящей войны велик и значителен свыше всякой меры: это борьба демократии всего мира с цезаризмом и деспотией, представителем каковой является Германия… Разгром Германии будет разгромом европейской реакции и началом целого цикла европейских революций.

Конечно, ни для кого не тайна, что правительство под шумок уже загибает салазки, арестует и сажает, и вообще писать нелегко – но наши русские писатели уже научились, слава Богу, проскальзывать между пальцами, постараемся и теперь. Повторяю: говорить о внутренних делах сейчас нет надобности.

Есть у нас, писателей, и особой важности задача: противопоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя и нет у нас внешней материальной культуры и богатства. Надобно всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии, немецкий же стремится к порабощению, к созданию на земле образцовой тюрьмы и военных поселений»[22].

Л. Андреев был убежден, что война закончится революционными преобразованиями, причем своеобразие его понимания революции заключалось в том, что писатель был максималистом в

---

[15] Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 268.

[16] *Андреев Л. Н.* S.O.S. С. 33.

[17] Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 394.

[18] См.: История русского искусства. М., 1961. Т. 6. С. 434.

[19] См.: *Беззубов В. И.* Леонид Андреев и Московский Художественный театр // Учен. зап. Тартуского университета. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 231–235.

[20] *Горький М.* Заметки о мещанстве // Собрание сочинений. М., 1953. Т. 23. С. 347.

[21] Текст записи опубликован Р.Дэвисом (Sbornik.1987. №13. С. 107–110).

[22] *Вильчинский В. П.* Л. Андреев и И. Шмелев // Русская литература. 1971. № 4. С. 136.

своих требованиях к будущему общественному строю, предполагал не только изменение форм политической организации, но и принципиально новый уровень общественных отношений, углубление нравственности, красоту бытового устройства. Как отмечает Л. А. Иезуитова, «он различал революцию «малую» (момент, когда царям головы отрубают) и «большую» (процесс, в результате которого повсеместно побеждают новые принципы человеческих отношений), «внешнюю» (когда изменяются политические учреждения) и «внутреннюю» (когда каждый отдельно взятый человек и вся масса народа начинают жить чувством свободы, братства, справедливости, творчества)»[23].

Писатель не связывал революционные действия с какими-то определенными социально-классовыми силами. Он больше уповал на творческие силы человеческого духа, ставил этические категории выше политических и не считал существующий социально-экономический расклад объективным препятствием на пути творческого преобразования действительности. Воззрения Л. Андреева вписывались в свойственные части русской интеллигенции эсхатологические ожидания, связывались с надеждой на очищение исторического процесса от «греховных» форм жизнедеятельности. На эту сторону андреевского мировоззрения обратила внимание Р. Джулиани: «Если же оценивать публицистику Андреева с историографической точки зрения, то можно прийти к выводу, что в ней обнаруживаются присутствие и жизнеспособность катастрофо-апокалипсического понимания истории, которое до сих пор – насколько нам известно – еще не отмечалось в исследованиях о творчестве Андреева. В его газетных статьях содержатся прошедшие сегодня проверку историей и оказавшиеся прозорливыми предсказания, наряду с немалой политической близорукостью и наивной и абстрактной схематичностью»[24].

В своей оценке кайзеровской Германии как оплота всей европейской реакции Андреев смыкался с политической линией таких деятелей II Интернационала, как Г. В. Плеханов, Г. А. Алексинский, П. А. Кропоткин. В той или иной степени различные революционные деятели и примыкавшие к ним группы интеллигентов исходили из неясной концепции «русского социализма», опиравшейся в основном на народнические традиции, и видевшие в европейской цивилизации, и в особенности, в «неметчине», путы, сковывавшие самостоятельное творчество народных масс.

В связи с этим царская монархия рассматривалась ими не как основное зло, а как чужеродное напластование, не имеющее способности к длительному самостоятельному существованию без поддержки международной реакции. Поэтому так называемые «оборонцы» из числа русских революционеров считали, что победа России в войне не замедлит, а усилит развитие революционного процесса, поражение в войне с Германией приведет к установлению полуоккупационного деспотического режима.

Л. Андреев не был искушенным политиком, не имел никакой твердой партийной ориентации. Тем не менее на протяжении трех лет он придерживался твердой линии на поддержку «войны до победного конца», верил в благотворность для России грядущей победы. Переубедить его было невозможно. Вера в грядущее торжество русского народа держала его в состоянии постоянной экзальтации. На этой почве он рассорился со многими близкими друзьями (прежде всего с М. Горьким, а также с семьей профессора М. А. Рейснера, его соседями по дому на Черной речке).

Это особое состояние отца отмечал его сын Вадим: «Любовь к России проснулась в нем с такой силой, что он все видел как бы сквозь призму этой любви, и она делала его близоруким: его предвидения делались все более и более далекими от реальной жизни.

Эта любовь оставалась в отце скрытой, она была ущемлена, когда в повседневной реальной жизни она поглощала его целиком, он уже не мог писать о том, что его волновало. Когда я сам, вне отцовского влияния, старался разобраться в войне, то не мог найти в себе иного чувства, кроме чувства крайней ненависти к ней. Когда я сказал об этом отцу, он изменился в лице и заговорил горячо и страстно, забыв о том, что перед ним двенадцатилетний мальчик: «Как ты смеешь так говорить? Война – единственное спасение. Ведь сейчас дело идет о всей России». Он произнес слово «Россия» так, как верующий произносит слово «Бог»«[25].

В самом начале войны, возмущенный нападением Германии на нейтральную Бельгию, Леонид Андреев в короткие сроки создает публицистическую пьесу «Король, закон и свобода». Автор сам признавал плакатный характер своего произведения, его поверхностную злободневность: «Долго колебался, прежде чем решиться, но факт тот, что быть иносказательным как-то стыдно, и нет ни спокойствия, ни отвлечения для чисто художественной работы»[26]. До конца года пьеса была опубликована несколькими отдельными изданиями и поставлена в Москве (Московский драматический театр, премьера – 23 октября 1914 г.) и в Петрограде

---

[23] *Иезуитова Л. А.* Л. Н. Андреев – публицист… С. 199.

[24] *Джулиани Р.* Л. Н. Андреев и Октябрьская революция, или Революция как Апокалипсис // Русская литература. 1997. № 1. С. 92.

[25] *Андреев В. Л.* Детство. М., 1966. С. 118.

[26] Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому (1913–1917) // Учен. зап. Тартуского университета. Тарту, 1971. Вып. 266. С. 254.

(Александринский театр, премьера – 19 декабря). Зрители и критика встретили андреевскую пьесу скептически, успеха она не имела.

Но писателя не смущали неудачи. Он снова и снова обращается к публицистическому жанру. В передовой статье, напечатанной для нового журнала «Отечество», Андреев старательно вымучивает в рамках цензурных рогаток свое представление об освободительном, народном характере войны. Попытка оказалась неудачной. Объективно читатель мог рассмотреть в андреевской статье только ряд стандартных риторических фигур, осуждающих германскую военщину[27].

Более гибко Андреев решил свою задачу в статье «В сей грозный час», где заметным образом связал итоги войны с будущим преобразованием России. Он старался провести мысль, что, «борясь за Россию против могущественной Германии, сознательно стремящейся к порабощению всех других народов и рас, мы боремся не только за те временные и преходящие формы, в каких отлилось настоящее нашей родины, но и за все те возможности, которые лежат в основе нашей молодой культуры и пророчески предуказаны нашими духовными вождями. Не за Россию эмпирическую и сущую, а за Россию мыслимую, желаемую и возможную поднял оружие русский народ»[28].

Русская литература, по мнению писателя, не стояла на высоте современных задач. Главный ее недостаток Андреев усматривал в том, что она не поспевала за жизнью, не поднимала актуальных и масштабных тем, замыкалась в узком психологизме. В четкой формуле свои претензии литератор выразил в статье «Перед задачами времени», опубликованной 1 января 1917 г.: «И как это ни странно: весьма любя «народ», меньше всего поверила в «народ» русская талантливая литература. Индивидуалистическая, очень сильная в вопросах личности, ее переживаний, психологии и морали, она слишком и без опасения привыкла к «безмолствующему народу», чтобы сразу и смело подойти к новому герою с его массовой психологией, массовой волей и доселе еще невиданными проявлениями последней в войнах и революциях. И в то время, когда англичанин Г. Уэллс, один из самых чутких людей на земле, уже писал «Войну миров» и романы будущего, когда Б. Келлерман издавал свой «Туннель», русская литература все еще продолжала описывать любовь в помещичьей усадьбе или новые нравы Растеряевой улицы. Весь мир обернулся лицом к востоку, откуда должно взойти новое солнце, и страстно ждал его восхода, а русский писатель все еще созерцал гаснущие краски заката. Даже настоящего он касался с большой неохотой, уверяя, что только прошлое, «откристаллизовавшись», может дать истинную и доброкачественную пищу строгому художнику»[29].

В 1915 г. у Андреева еще не сложились столь четкие формулировки. Тем не менее, он стремился привлечь собратьев по перу к решению насущных задач. Переломный исторический момент, по его убеждению, должен был найти воплощение в литературном творчестве. В статье «Пусть не молчат поэты» он призывал коллег-литераторов вникнуть в суть происходящих событий, изменить взгляды на соотношение искусства и действительности: «Услышать войну – это ведь услышать голос самого синайского Бога, услышать – и содрогнуться – погубить ту милую, старую, привычную душу свою, с которой так великолепно мы доплясались до войны. Услышать войну – это значит переоценить всю свою жизнь, все ее радости, страдания и надежды; не только все прошлое поставить насмарку и вбить осиновый кол в могилу вчерашнего дня, но и нынешний день изменить до неузнаваемости»[30].

Масштабная мысль Л. Андреева не была понята современными литераторами. Критика усмотрела в статье писателя всего лишь призыв подчиниться злободневной конъюнктуре. Наиболее обстоятельно такая точка зрения была изложена в журнале «Современный мир»[31]. Редакция считала, что ошибка Андреева «состоит в том, что он отрицание литературной фальсификации принял за симптом социальной болезни и прибег к ураганному огню своих протестов – странно сказать – в защиту никуда не годной поэзии и прозы». Автор критической статьи наставлял писателя: «Когда вокруг бушует море пошлости, когда нежность поэзии обращается в бесстыдную вакханалию либо зоологического патриотизма, либо площадного «шапкамизабросайства», либо вульгарного подпевания улице, либо грубой лжи, издевательства над правдой, – тогда отрицание такой поэзии так естественно, как отрицание всякой грязной накипи на человеческом творчестве»[32].

Но Андреев менее всего был сторонником литературной халтуры. Он мучительно искал выход из устаревших литературных рамок, стремился преодолеть устоявшиеся каноны, слить творчество с жизнью. Вместе с тем он не отвергал проверенных культурных традиций, наоборот, призывал чаще обращаться к опыту мирового искусства: «Читайте книги и посещайте музеи,

---

[27] См.: *Андреев Л. Н.* Война // Отечество. 1914. № 1.
[28] *Андреев Л. Н.* В сей грозный час // Биржевые ведомости. 1914. 7 дек. Утр. вып.
[29] *Андреев Л. Н.* Верните Россию! М., 1994. С. 70.
[30] *Андреев Л. Н.* Пусть не молчат поэты // Биржевые ведомости. 1915. 18 окт. Утр. вып.
[31] См.: *Ожигов А.* Литература, молчание и барабаны // Современный мир. 1915. № 12.
[32] Реквием. С. 138.

бывайте в театрах, дружите с людьми. Общайтесь с великими: их бессмертно звучащие речи сильнее грохота снарядов, их правдивой красоты не победить лживым красотам ночных пожаров. Крови слишком много, она подступает к горлу, в ней можно захлебнуться и потерять сознание – держитесь за великих, их светловеющие одежды имеют силу держать над пучиной»[33].

Вновь и вновь писатель обращался к общественности, к интеллигенции, стремясь внушить свой оптимизм, заставить людей взглянуть на события широко открытыми глазами, возвыситься над пугливо-мещанским неприятием грандиозных исторических изменений: «Война – во спасение. Невозможно сейчас предвидеть и предугадать все, что она совершит. Поворот, ею сделанный, огромен. Но ясно одно, что старому миру конец! Новая жизнь взойдет на его развалинах. И, конечно, иным станет искусство. Трудно говорить, конечно, о тех формах, в которые оно выльется, но несомненно, что содержание его станет значительным и важным. Думается, что вопросы личности будут поставлены новой литературой с особенной остротой. Литература займется проблемой – личность и коллектив. Ведь на смену толпе, современной толпе, явится коллектив – Вселичность. С ним, поглощающим индивидуальность, вступит личность в конфликт… И вот литература займется решением вопроса: как возможно примирить эти два начала, как устроить гармоническую жизнь,– жизнь коллектива и жизнь личности»[34].

Задачу искусства Андреев видел в переходе от узкопсихологических этюдов к эпическим полотнам. Уже 27 августа 1914 г. в письме к В. И. Немировичу-Данченко писатель настаивал на пересмотре отношения к драматургии, говорил о необходимости возврата к высокой трагедии как форме современного искусства, обращал внимание на то, «как патетически декламируют пушки! Герой масс, геройское в массах и личности, широкий мазок и крайняя стилизация, самые громкие слова и рискованные позы, трубный глас, гимны, чудеса и откровения, Синай и Саваоф – вот настоящее и вот будущее наше на добрый десяток лет»[35]. Надежда русского писателя на то, что война всколыхнет духовное пробуждение нации, постоянно натыкалась на непонимание со стороны коллег-интеллигентов. «Ведь единым Духом сильны мы и его только можем противуставить филистимской культуре, мечам и богатству!»– буквально заклинал он Немировича-Данченко, веря, что кончается эпоха, «когда живописец художник не хочет писать ни Христа, ни дьявола, а пишет только судака на тарелке и в этом искусстве достигает большого совершенства»[36].

И только 27 февраля 1918 г. Андреев подведет горький итог своих несбывшихся надежд, выразив его в форме осуждения всей русской интеллигенции: «Не стоит говорить об исторических условиях. Конечно, они подготовили такую интеллигенцию, как и такой народ. В сущности говоря, дряблость и ничтожность интеллигенции уже полностью сказалась с начала войны – именно в отсутствии воли к победе и дрянных гуманистических слезах и охах – и тогда уже можно было видеть, какую жалкую роль сыграет эта интеллигенция и в революции. Но они оказались еще хуже! При всем моем признании важности исторических объективных условий, я не могу отказаться от признания еще большей важности Разума и его свободы, и я убежден, что они могли быть иными, и все могло быть иным, и что они виновны в разрушении России и подлежат наказанию»[37].

Но в целом эти упреки Андреев мог с полным основанием обратить и к себе. Кроме своего возвышенного настроения, он не смог ничего предложить своим собратьям по литературному цеху. Он не сформировал общественно значимой платформы, которая смогла бы объединить значительные силы интеллигенции. Собственно говоря, он даже не представлял, по каким критериям могло бы произойти такое объединение. Художническая чуткость к происходящим событиям не заменяет необходимости иметь четкую политическую доктрину и прочную мировоззренческую основу. Однако эти составляющие не были сильными сторонами личности Андреева, пытавшегося в годы войны сыграть роль общественного идеолога. Его преимущественно эстетический взгляд на исторический процесс не мог завоевать широкой опоры в политизированных слоях интеллигенции. А как собственно политический мыслитель Андреев был чрезвычайно слаб.

Писатель крайне расплывчато представлял себе социально-политическую структуру современного общества и обусловленные ею процессы. Его общественный идеал сводился к представлениям о неопределенном будущем анархическом строе, который он сформулировал в нескольких фразах в разговоре с братом Андреем: «Анархический строй не может осуществиться скоро. Надо пройти для этого период государственного социализма. Анархизм наступит, когда люди внутренно будут к нему готовы, когда в голову никому не придет оскорбить другого, учинить насилие и т.п. Просто в голову не придет»[38].

---

[33] *Андреев Л. Н.* В сей грозный час. Статьи. Пг., 1915. С. 14–15.
[34] Леонид Андреев о современном театре // Рампа и жизнь. 1915. № 44. С. 6.
[35] Учен. зап. Тартуского университета. Тарту, 1971. Вып. 266. С. 254.
[36] Учен. зап. Тартуского университета. С. 262.
[37] *Андреев Л. Н.* S.O.S. С. 35.
[38] *Андреев А. Н.* Из воспоминаний о Л. Андрееве // Красная новь. 1926. № 9. С. 215.

Еще менее определенными являлись философские основы андреевского мировоззрения. Из всех философов он в молодости отдал дань только изучению трудов А. Шопенгауэра. К научным и философским проблемам Андреев относился не то чтобы поверхностно, а скорее чересчур субъективно, «он хватал на лету все, что отвечало потребности его духа в соприкосновении к наиболее острым и мучительным тайнам жизни»[39]. В результате «на выходе», переработанные творческой фантазией писателя, общепризнанные и распространенные «истины» представали перед читателем в парадоксальной и неузнаваемой трактовке, причем критерии, по которым автор отбирает свой материал, оставались для него непонятными. Именно так воспринимал творчество Андреева один из его близких соратников, режиссер и театральный критик В. Г. Сахновский: «С страстным желанием принести в мир свое, голосом докторальным, он ничего не может сказать, потому что в душе его не живет никакого догмата»[40]. А. М. Горький вспоминал об Андрееве: «Этот человек, обладая всеми свойствами превосходного художника, – хочет встать в позу мыслителя и философа. Это казалось мне опасным, почти безнадежным, главным образом потому, что запас его знаний был странно беден. И всегда чувствовалось, что он как бы ощущает около себя невидимого врага, – напряженно спорит с кем-то, хочет кого-то побороть»[41].

Правда, приводя высказывания А. М. Горького, следует помнить, что он находился с Л. Андреевым в особых отношениях своеобразной «дружбы-вражды», между ними шла постоянная напряженная полемика. Другие литераторы вовсе не видели в Андрееве непримиримого борца. Н. Д. Телешов отмечал: «В течение почти двадцати лет, когда я знавал Андреева, часто видал его и в обществе, и в семье, и на работе, я всегда знал его как человека с ласковой, хорошей душой, умного, интересного собеседника»[42]. Надо отметить, что «голосом докторальным» Андреев обладал только в своих литературных произведениях, в быту же он редко вставал в позу учителя, часто отделывался шутками. Писатель явно рассчитывал на интимную работу сознания, сосредоточенность читателя, которая, в противовес публичным спорам, гораздо вернее ведет к постижению истины. Такая позиция вызывала непонимание современников, желавших видеть в личности писателя как бы говорящую книгу, трибуна, постоянно излагающего важные сентенции. Показателен в этом отношении диалог Л. Андреева с К. А. Гвоздевым, главой рабочей секции Центрального военно-промышленного комитета:

– Шутите вы, Леонид Николаевич, весело, а пишите – мрачно. Как это объяснить? Почему это? И почему вы не хотите ответить?

– Может, и хочу, да – не умею. Вот пускай Горький объяснит вам, он – психолог, он любит объяснять[43].

Л. Андреев противопоставлял свою художническую позицию доктринальности в литературе, ярким выразителем которой он считал Горького. Стремясь достичь в своем творчестве метафизических глубин, он задавался целью не внушить читателю определенные мысли, а приобщить его к поиску внутреннего смысла явлений, погрузить в атмосферу таинства жизни.

Естественно, что между таким творческим методом и добровольно возложенной на себя миссией общественно-политического публициста не могло не возникнуть внутреннего разлада. В апреле 1918 г. Андреев признал в дневнике, что «по силе впечатления, по глубине и необыкновенности ощущения мировой войны ничто не может сравниться для меня с первыми днями, двумя-тремя неделями. Дальнейшее не только не прибавило, но в чем-то умалило начальное ощущение рокового и грандиозного»[44]. Но первоначальный эмоциональный заряд был все-таки очень силен, он определил, можно сказать, запрограммировал деятельность писателя на длительное время, и даже в марте 1916 г. он отмечал аналогичное состояние: «Идет война. Переживаю я ее огромно и сильно. Быть может, никто или очень немногие так глубоко чувствуют и знают ее смысл. Но один я и здесь. Все маленькие кругом. Большие люди либо на войне, либо где-то далеко, а моя среда – писателей, журналистов и интеллигентов – среда ничтожная, людей мелких, обремененных личными корыстными расчетами, мелкими мыслишками, чтобы не уронить как-нибудь себя, сказать что-то свое»[45].

Двойственность состояния писателя, поставленная им перед собой общественно-политическая задача, приводили к тому, что публицистика непосредственно проникала в его литературное творчество. Характерен в этом отношении рассказ «Ночной разговор», написанный в 1915 г., представляющий собой диалог кайзера Вильгельма и пленного русского профессора, вступившего волонтером в бельгийскую армию. Рассказ имеет ряд безусловных достоинств (в частности, экспрессивные монологи Вильгельма II, построенные в форме саморазоблачения

---

[39] *Горький М.* Воспоминания о писателях. Горький, 1951. С. 104.
[40] *Сахновский В. Г.* Писатель без догмата // Новая жизнь. 1915. № 11. С. 186.
[41] *Горький М.* Воспоминания о писателях. С. 102.
[42] *Телешов Н. Д.* Избранные сочинения. М., 1956. Т. 3. С. 129.
[43] Архив А. М. Горького. М., 1957. Т. 6. С. 125.
[44] *Андреев Л. Н.* S.O.S. С. 59.
[45] *Андреев Л. Н.* S.O.S. С. 28–29.

зарвавшегося милитариста-ницшеанца[46]), но в целом над ним довлеет предвзятая авторская схема, делающая образы героев чересчур однозначными. Профессор, оппонент Вильгельма, может противопоставить разрушительному энтузиазму кайзера только механический фатализм: «Для правильного решения небывалой проблемы, поставленной перед миром, каждая цифра должна значить то, что она значит, и твердо занимать свое место в определенном ряду. Я ясно почувствовал это еще давно, еще в тот день, когда сказал себе: теперь я должен быть бельгийским волонтером и драться с пруссаками. И больше ничего: быть волонтером и бить пруссаков»[47].

Именно пропагандистская неубедительность «Ночного разговора», отсутствие высокой идеи, способной вдохновить на борьбу с врагом, послужила основной причиной, по которой Андреев забраковал рассказ. При жизни писателя он так и остался в рукописи.

Гораздо более удачной в художественном отношении оказалась повесть «Иго войны». В ней писатель вернулся к строгим канонам реалистической прозы. Дневник скромного бухгалтера Ильи Петровича Дементьева, от имени которого ведется повествование, наполнен реалиями военного времени: проводы родственников и знакомых на фронт, растущая дороговизна предметов первой необходимости, безработица, отсутствие квалифицированной медицинской помощи, большое количество раненых и калек, гибель близких людей. Убедительно показана и эволюция психологического состояния главного героя, характерная для большинства обывателей того времени. Испытав в начале войны патриотический подъем, они спустя несколько месяцев стали ощущать неопределенность от неудобств непонятно затянувшейся войны. Герой повести испытывает состояние одинокой человеческой молекулы, против своей воли затянутой чуждой стихией событий, он последовательно переходит от возмущения к отчаянию и мыслям о самоубийстве, а затем – к апатии и равнодушию. Но Андреев вводит в этот реалистический сюжет и собственную задачу: убедить читателя, что все выпавшие на его долю испытания не напрасны, что нельзя замыкаться в своем горе, надо идти навстречу другим людям, помогать друг другу, порвать окончательно с невыносимостью молекулярного одиночества.

Свою сверхзадачу «Иго войны» не решило. Цензурное ведомство восприняло повесть как антивоенный материал. Как сообщал сам Л. Андреев в письме на фронт брату, «сперва военная цензура совсем его зарезала, но после хлопот у важных генералов пропустили без единой помарки, «в уважение» к моему имени и с условием: не дозволять перепечаток»[48]. Весной 1916 г. повесть вышла в альманахе издательства «Шиповник». Критика признала это произведение неудачным, увидев даже, в противовес цензуре, что повесть написана «в стиле того же бравурного патриотизма, что и драма «Король, закон и свобода», и воспринимается также холодно»[49].

Естественно, что Андреев не мог не признать, что адекватной формы для воплощения своего замысла («заставить услышать войну, сосредоточить на ней и ее вопросах не только чисто внешнее внимание, но внутренне глубоко заинтересовать, потрясти, взволновать») он не нашел. Но признать свою несостоятельность как художника и мыслителя он не мог, ибо это означало, по его убеждению, признание несостоятельности всякого творческого начала вообще. И здесь было два пути: либо отказаться от попыток непосредственного воздействия на общественное сознание и погрузиться целиком в литературную деятельность, либо более последовательно и открыто выражать свои взгляды, сделать более однозначной свою политическую позицию, а значит, ограничить свой круг твердыми сторонниками и более решительно отмежеваться от оппонентов.

Андреев всеми силами противился политическому доктринерству. Но логика событий неудержимо влекла его ко второму варианту. Занятая позиция заставляла четче определиться с возможными союзниками и противниками. Андреев, не желая «стрелять из пушки по воробьям», сосредоточил огонь на самой крупной фигуре – Максиме Горьком. Поводом для выступления послужила статья последнего «Две души», опубликованная в организованном Алексеем Максимовичем журнале «Летопись».

Создавая свой антимилитаристский журнал, Горький обращался к демократической интеллигенции, призывая ее «научиться понимать, что дано ей в плоть и кровь от Азии, с ее слабой волей, пассивным анархизмом, пессимизмом, стремлением опьяниться, мечтать, и что в ней от Европы, насквозь активной, неутомимой в работе, верующей только в силу разума,

---

[46] «Нет, я не злодей и не убийца. Убивают только живое, и мучают только невинное. Я – могильщик для старой Европы, я хороню ее труп, и мир – да, сударь, мир! – спасаю от ее зловония. И если мои профессора, начитавшиеся Шекспира, – которого я и сам люблю! очень! – еще стремятся быть гамлетовскими могильщиками и что-то болтают о черепе Йорика; если мои демократы еще немного… цирлих-манирлих, вы понимаете? – и золотят каждую пулю братством и Марксом, то я, Вильгельм Второй и Великий, прям и откровенен, как сама смерть. Я – великий могильщик, сударь. Я миллионносильный плуг для мертвецов, который бороздит землю. И когда эти глубокие, чистые и прекрасные борозды покроют всю Европу, вы сами, профессор, назовете меня великим!» (*Андреев Л. Н.* Собрание сочинений. М., 1995. Т. 5. С. 60).

[47] *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений. С. 74.

[48] Русский современник. 1924. № 4. С. 147.

[49] *Колтоновская Е.* Литература отражений // Речь. 1916. № 174. 27 июня.

исследования, науки»[50]. Статья оставляла впечатление противоречивости, воспринималась многими как отражение непатриотичности писателя, вызвала волну критики. Горький весьма заметным образом «подставился». И Л. Андреев не удержался от возможности вступить с ним в открытую полемику. В письме С. С. Голоушеву от 9 января 1916 г. он называет статью Горького «надменной чепухой» и сообщает, что уже написал на нее ответ[51]. Он был опубликован в журнале «Современный мир»[52].

Ответ Андреева выходил за рамки разбора отдельно взятой статьи Горького. Она только послужила поводом для выражения отрицательного отношения ко всему содержанию «Летописи». Это содержание Андреев считает откровенно пасквилянтским: «Если М. Горький находит у русского народа «Две души» и притом одинаково скверные, то письмо «Неудомевающего» открывает у того же русского народа «два патриотизма», также одинаково скверных и зазорных, ибо один – это патриотизм чеховского лакея Фирса, а другой – лакея Смердякова». Определяя же свое отношение к позиции Горького, Андреев, по сути, отказывает своему бывшему соратнику в праве считаться русским писателем: «Дело не в восторгах, которых русский народ еще не заслужил и не скоро заслужит, а в простой справедливости, которая и преступнику оставляет «искру Божию» и дает надежду на возрождение. И если вообще не следует унижать человека, с чем мы опять-таки с восторгом соглашаемся, то есть ли последовательность в том, чтобы целый народ был унижен? И если вообще всякий человек нуждается в ободрении, то насколько такое ободрение нужно народу, который так или иначе, плохо ли, хорошо ли борется за свою жизнь? А ведь на страницах всей статьи писателя ни единого бодрого слова о русском народе, ни единого просвета в непроницаемой тьме, которою окутаны обе «Души» его! Как начато, так и кончено: торжественной и пышной панихидой»[53].

Значительная часть литераторов увидела в полемике по поводу статьи Горького «Две души» лишь желание малоталантливых писателей «лягнуть» великого коллегу. Эту точку зрения излагал В. Я. Шишков в письме В. С. Миролюбову от 28 февраля 1916 г., отмечая, что «в большинстве статей не столько темперамента, сколько злорадства. Похоже на то, что как будто Горького подкарауливали, а как прорвался – гурьбой набросились, словно на цыгана мужики»[54].

Между тем Андреев видел в Горьком прежде всего не литературного, а политического противника, считал его произведения клеветой на Россию, в противовес большинству образованного общества видел в нем не объединителя духовных сил страны, а опасного честолюбца, препятствующего национальному объединению. В статье «Неосторожные мысли. О М. Горьком» Андреев прямо указывал на деспотизм писателя: «Повелитель, властелин, деспот, не терпящий ни в ком противоречий, даже в себе самом»[55].

Неприятие горьковской «Летописи» носило у Андреева устойчивый характер. Стремление противостоять политической линии журнала все больше перерастало в личную неприязнь к его издателю. В воображении писателя образ Горького постепенно вырастал до размеров злодея, что подтверждается соответствующей записью из дневника от 31 мая 1918 г.: «Мучает меня то, что моя ненависть и презрение к Горькому (в теперешней его фазе) останутся бездоказательными. Если Фигнер, Зелинский и др. могут совместно с Горьким выступать и работать, следовательно, они не видят или не понимают, что так ясно; и нужно составить целый обвинительный акт, чтобы доказать им преступность Горького и степень его участия в разрушении и гибели России»[56].

Политические мотивы диктовали и изменение отношения к другим писателям, принадлежавшим, по представлению Андреева, к горьковскому кругу, которые, согласно его позиции, не соответствовали современному моменту, не могли продуцировать новых творческих идей, «все приземлились и прижизнились: посмотрите, если охота, московкую литературу Буниных, и Шмелевых, и А. Толстых – сколь все это приближено к земле, опрощено, в лучшем случае обтургенено. Но и все театры валят туда же, поближе к земле; и похвала писателю «землей, знаете, пахнет» считается ныне самой высокой, хотя землей от могилы пахнет не меньше, чем от свежей нивы,– даже острее запах внезапный… Трагедии – нет, но так как без трагедии, как и без духа святого, не проживешь, то допускается вводить в драму малые доли трагического, упрощенного, умаленного и приспособленного для беззубых, как рубленая котлета… Приземиться! Приземиться! – вот лозунг наших дней в России, да и во всем буржуазном мире; и ему следуют почти все»[57].

Желание Андреева иметь постоянную общественно-политическую трибуну совпало с намерением властей создать влиятельный печатный орган, который бы вытеснил оппозиционные

---

[50] *Горький М.* Две души // Летопись. 1915. № 1. Декабрь.
[51] См.: Реквием. С. 124.
[52] См.: *Андреев Л. Н.* О «Двух душах» М. Горького // Современный мир. 1916. № 1.
[53] *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений. М., 1996. Т. 6. С. 570, 572.
[54] Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 248.
[55] *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 574.
[56] *Андреев Л. Н.* Верните Россию! М., 1994. С. 193.
[57] Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 266. С. 262–263.

столичные газеты. Инициатором этого замысла выступил влиятельный сотрудник министерства торговли и промышленности В. П. Литвинов-Фалинский, в начале 1916 г. познакомивший со своим планом руководство департамента полиции. Идея обрела горячего сторонника в лице нового министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Министр повел переговоры с крупными банками и с рядом общественных деятелей. Большой кредит на издание газеты выделил А. И. Вышнеградский, один из директоров Петроградского международного банка. Так как, по замыслу создателей, новая ежедневная газета должна была иметь видимость оппозиционной, то к сотрудничеству решили привлечь ряд авторитетных в демократических кругах деятелей. В частности, А. В. Амфитеатров вел в Риме соответствующие переговоры с Г. В. Плехановым и Г. А. Алексинским[58].

Провокаторская роль будущего печатного органа оказалась секретом полишинеля. Большинство столичной интеллигенции отвернулось от протопоповского детища. Но с тем большим энтузиазмом откликнулся на предложение о сотрудничестве Л. Андреев, давно жаждавший открытой полемики со своими литературными противниками. В письме брату Андрею от 24 июня 1916 г. он вдохновенно сообщал: «Специальное мое дело: я заведую тремя отделами: беллетристики, критики и театра, имею сколько угодно помощников и приглашаю кого угодно, независимо от редакции. Иными словами, влияя на общее положение дел, я имею в газете как бы собственный журнал по вопросам наиболее мне близким и важным». Предлагаемое издателями материальное обеспечение (до 45–50 тысяч рублей в год) порождало у Андреева иллюзию полной независимости: «Я избавляюсь от самой подлой зависимости от публики и критики, именно зависимости рыночной. Я знаю себе цену и могу презирать, как презираю хамо-критику и хамо-читателя, модника и перебежчика – ну а если книга не идет, и издатель не печатает и театр не берет? Ныне, будучи обеспечен от колебаний нашего рынка и критического ажиотажа, я с глубоким спокойствием взираю и на мое чисто литературное положение. Могу писать и не печатать, могу спокойно ждать своего театра; могу, наконец, свободно мыслить без той невольной и бессознательной подчиненности вкусам дня, какую налагает зависимость от рынка на самую свободную и самостоятельную мысль»[59].

Надеждам Андреева на то, что ему удастся привлечь к сотрудничеству в «Русской воле» (такое название в итоге получила новая газета) влиятельных литераторов, не суждено было сбыться. От заманчивых предложений последовательно отказались В. Г. Короленко, И. А. Бунин, А. А. Блок, И. С. Шмелев, С. Н. Сергеев-Ценский и другие. Второстепенные критики и очеркисты не могли создать полновесного облика газеты. В результате, на Андреева падала основная нагрузка, вызванная заполнением соответствующих разделов.

Тем не менее, Андреев верил, что «Русская воля» способна стать авторитетным органом, влияющим на общественные настроения. В «Открытом письме гг. членам Государственной думы» (Русская воля. 1916. № 1. 15 дек.) и в статье «Слухи» (№ 2. 16 дек.) он страстно защищал новый печатный орган от обвинений в продажности, убеждал в честных намерениях сотрудников газеты, призывал оказать им моральную поддержку. В отдельных номерах писатель публиковал по две-три статьи, всячески стараясь побороть в людях дух уныния и пассивности, бичевал «пораженцев» в специальной статье «Горе побежденным!» В ней он боролся с распространенным мнением, что только поражение в войне может ускорить и вызвать революцию. Напротив, Андреев был убежден, что поражение погубит революцию, потопит ее в крови: «Нет у побежденных радости ни в чем, и те народные движения, толчком к которым послужило поражение, – большей частью безрадостны и кровавы»[60].

Настоящим манифестом, обращенным к литературной общественности, стала статья «Перед задачами времени». В ней писатель выразил свои претензии к русским литераторам, оказавшимся не на высоте современных требований. Он призывал пересмотреть устоявшиеся творческие принципы, влиться в жизнь, преодолеть границу между литературой и общественными и политическими задачами, как того требует грядущая перестройка: «Не забудем, что если сейчас воюют солдаты, то после войны, когда начнется великое разрушение и великое строительство жизни, в тогдашние окопы придется идти литераторам, мыслителям и художникам. Придем ли безоружными на ту войну, как безоружными явились на эту? Уступим ли в новой борьбе духовное водительство другим, а сами поплетемся в хвосте чужих идей и ясных замыслов – или же, как равные среди равных, сильные среди сильных, внесем и свою посильную лепту в мировую, тяжкую и бесконечно радостную работу?»[61].

Андреев, ставя перед интеллигенцией задачу идейного (а в перспективе – и политического руководства революционным движением, не хотел мириться с буржуазным характером предстоящей революции. Он ясно видел, что молодая русская буржуазия не понимает, да и не ставит перед собою серьезных национальных задач. Это раздражало писателя, он верил, что

---

[58] См.: *Оксман Ю. Г.* «Русская воля», банки и буржуазная литература // Литературное наследство. М., 1932. Т. 2.
[59] Русский современник. 1924. № 4. С. 148–149.
[60] *Андреев Л. Н.* Верните Россию! С. 11.
[61] Там же. С. 72.

общенациональное дело носит внеклассовый характер, оно должно объединять, а не разобщать людей. Хищнический характер русского предпринимательства Андреев выводил не из объективных законов капитализма, а считал следствием низкого уровня культуры нуворишей. «Неожиданные богачи, вчера не имевшие штанов, – отмечает он в одном из писем, – обжираются семгой, катаются на лощеных авто, а рожи глупые и подлые»[62].

Долгое время Андреев не видел в русской буржуазии самостоятельной проблемы, растворяя ее в более общем понятии «мещанство», которое было для интеллигенции того времени своего рода жупелом, выражавшим духовное убожество, косность и апофеоз пошлости. То, что буржуазия начинает выступать в России в качестве самостоятельной и достаточно влиятельной силы, писатель заметил не сразу. Он, как всегда, начинал воспринимать новые общественные явления только тогда, когда они начинали артикулироваться в идеологической сфере. «Аромат сволочи перешибает все другие запахи»,– так охарактеризовал писатель состояние газетно-журнальной периодики военной поры[63]. И только накануне Февральской революции Андреева буквально прорвало.

1 января 1917 г. в «Русской воле» появляются два его памфлета, исполненных ненависти к дельцам, наживающимся на народной крови и страданиях. В новогоднем поздравлении он описывает завсегдатаев столичных ресторанов: «Широкие белые шеи и каждая, словно витрина бриллиантов – крупных, но грубо ограненных. На полных руках золотые браслеты в вершок шириной. Словно идолы живые сидят за столами в драгоценных уборах.

Эти браслеты и бриллианты куплены за новые хрустящие бумажки тыловых барышей. Это материализованная спекуляция»[64].

И уж совсем не по-новогоднему звучит саркастическое обращение под названием «Забытые»: «Прошел слух, что в новом году вас будут вешать на фонарных столбах. Очень боюсь, что не одна рука дрогнула и расплескала шампанское, внимая вести. Но… успокойтесь, господа мародеры: из авторитетных источников могу сообщить, что это неправда. А если и правда – все врут авторитеты! – то какая здесь беда, если вдуматься? Пустяки, господа мародеры! Ведь пока половину будут вешать, другая половина устроит чудесное дельце с веревкой и мылом и так взбодрит цены, что, глядишь, вешать и перестанут. И шея есть, и фонарь есть, а вешать нечем, – так-то, милые мародеры!»[65].

Открывая новый, антибуржуазный фронт своей публицистической деятельности, Андреев помещает в стане своих противников своего рода знаковую фигуру – И. Д. Сытина, 50-летний юбилей книгоиздательской деятельности которого отмечался в 1916 г. Учитывая высокий авторитет Сытина в общественных кругах, писатель не решился дать издателю однозначно негативную оценку, но весь дух статьи «Знаменательный юбилей» проникнут резким неприятием буржуазной неразборчивости, осуждением паразитирования на неоформившихся вкусах читательской публики: «Стоит лишь сверху бросить взгляд на всю эту сытинскую мешанину, где песенник, молитвослов, дешевый календарь и патриотический лубок сопрягаются с Мережковским и Горьким, чтобы спокойно и сразу решить: идеи у сытинских изданий нет и не было. Порою грубые, как макулатура, часто совсем лишенные вкуса и чуть ли не смысла, а порой столь изящные, тонкие и умные, как стихи и рассказы И. Бунина, – все эти сытинские книги, книжонки и газетные листы дают изумительную картину какого-то издательского хаоса, над которым вместо духа Божьего носится и царит один всепожирающий масштаб: больше книг! больше листов! больше печатной бумаги, бумаги!» Статья заканчивается панегириком русскому народу, чью духовную потребность удовлетворяет Сытин. Писатель надеется, что из всей мешанины книжной продукции народ выберет самое существенное: «Приветствуем его безошибочное чувство жизни, приведшее его на тот единственный путь, в конце которого – Возрождение России»[66].

Февральскую революцию Андреев воспринял с громадным воодушевлением, считал ее доказательством правильности своих предсказаний. Свержение монархии он считал устранением последнего препятствия на пути создания свободной России. Переход армии на сторону восставшего народа явился решающим фактором: «Для всех видимо, что столь блестящую и решительную победу над самодержавием одержала русская армия. В ее руках оружие и сила, т. е. те единственные аргументы, которым могли подчиниться Романовы. Глухие к доводам совести и блага народного, почти безумные в поступках, трагически лишенные даже чувства самосохранения, они – или он – с великим наслаждением перестреляли и перевешали бы нас всех, оставайся в их власти пулеметы и пушки. Пусть вся Россия превратится в кладбище, они согласны царствовать и над кладбищем»[67].

---

[62] А*фонин Л. Н.* Леонид Андреев. Орел, 1959. С. 206–207.
[63] *Афонин Л. Н.* Леонид Андреев. С. 207.
[64] *Андреев Л. Н.* Верните Россию! С. 74.
[65] Там же. С. 72–73.
[66] *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 582, 585.
[67] *Андреев Л. Н.* Верните Россию! С. 78.

Стремительно разворачивающиеся политические события 1917 г. показали писателю, что слабая демократия не способна утвердить новые общенациональные цели, общество стремительно распадалось на большое число конфликтующих групп. Андреев изо всех сил стремился убедить читателей в необходимости беречь завоеванные свободы, не допустить наступления хаоса, соблюдать элементарный порядок. Ряд его статей в «Русской воле» вышли отдельными брошюрами[68]. Уже в апреле ход событий стал вызывать у него тревогу, он стал приходить к мысли, что негативные последствия Февральской революции могут перевесить, и вместо европейской революции может произойти сплочение мировой реакции: «Утверждают, что революции заразительны, и Церетели в думской речи выразил счастливую уверенность, что наша революция перекинется и на Европу. Я и сам так мечтал еще недавно, а теперь думаю: так ли? Есть зараза и зараза, и кто пожелает заразиться от прокаженного, каким становится в малодушии нашем великая и честная революция?»[69]

Великая трагедия, воплощения которой в жизни жаждал Андреев, совершилась. Но она не привела к ожидаемому катарсису. Актеры играли крайне скверно, они путали свои амплуа. Андреев с едкой иронией писал о революционных «вождях» – А. Ф. Керенском, В. М. Чернове («скоморох революции»). А потом, говоря театральным языком, пришел В. И. Ленин («Veni, Creator!» – назвал статью о нем Андреев) и просто смел все декорации.

Октябрьскую революцию Л. Андреев воспринял как разрушение русской культуры, как возвращение варварства. Вступив в ряды белого движения, он возлагал надежды на помощь союзников, обратился к ним со статьей «S.O.S.(спасите наши души!)». Но в целом этот призыв писателя, как и вообще вся его публицистика военного периода, не получили широкого резонанса. Позиция Андреева-публициста считалась чересчур индивидуальной, чтобы иметь значительное влияние на современников.

Однако спустя два десятилетия выдвинутые Л. Андреевым художественно-пропагандистские принципы стали широко применяться в ходе Второй мировой войны. И немалая роль в победе Советского Союза над нацистской Германией принадлежала советским писателям и людям искусства, которые в новых условиях восприняли те установки, которые страстно отстаивал Андреев в 1914–1917 гг. Эта сторона его деятельности еще ждет адекватной оценки, так же как и вопрос о соотношении классовых и национальных мотивов в его творчестве. Характерно, что, всемирно признанный как художник слова[70], в последнее время Леонид Андреев привлекает внимание специалистов и как оригинальный общественно–политический мыслитель.

---

[68] См.: *Андреев Л.* и др. Монархия или республика? М., 1917; *Андреев Л.* Гибель. Пг., 1917.
[69] *Андреев Л. Н.* Верните Россию! С. 124.
[70] См.: *Григорьев А. Л.* Леонид Андреев в мировом литературном процессе // Русская литература. 1972. № 3.